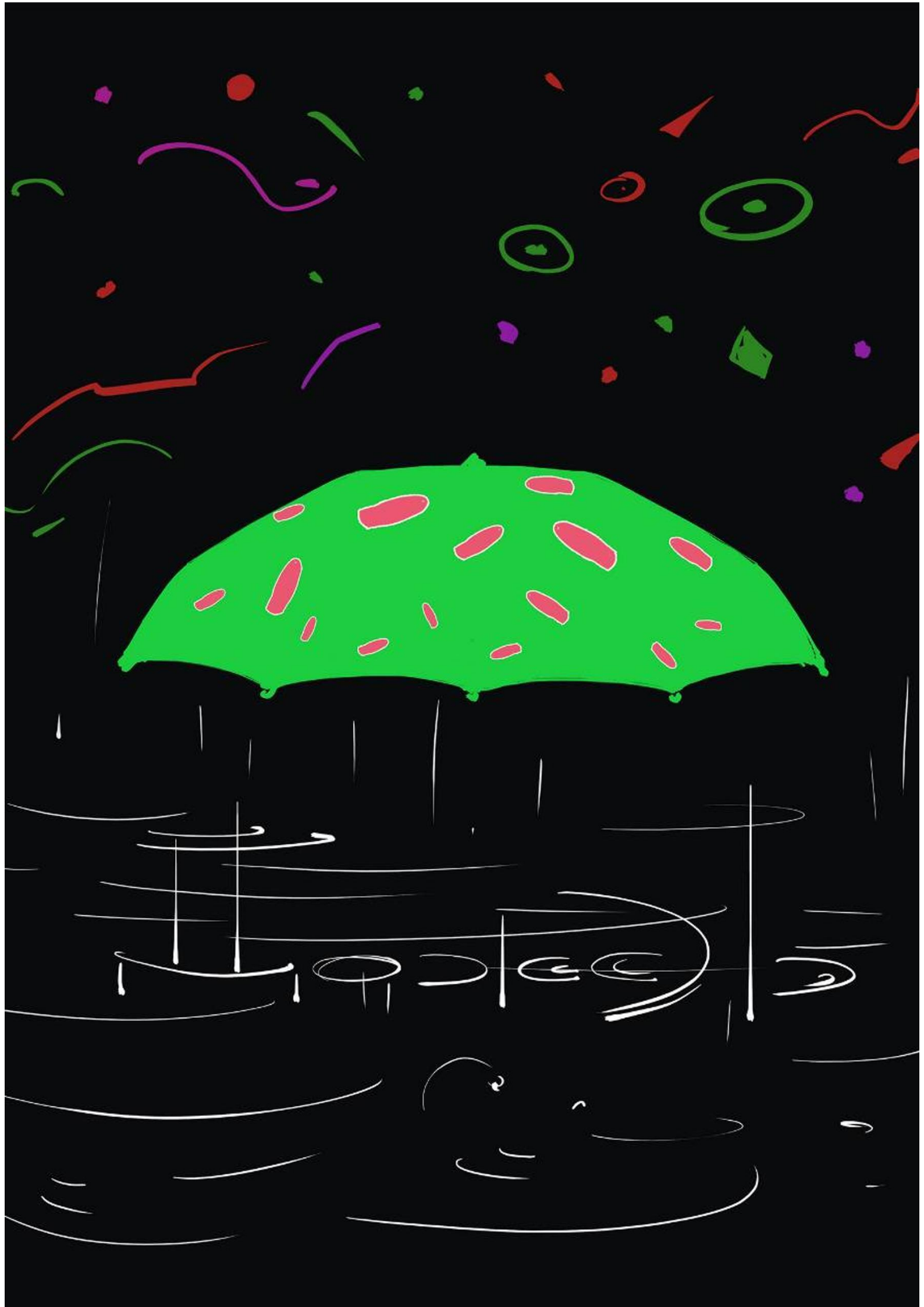

Евгений Койнов

Дождь

«Автор»
2026

Койнов Е. А.

Дождь / Е. А. Койнов — «Автор», 2026

В этом мире не принято гулять под дождем. Детей с ранних лет учат искать укрытия, транспорт самостоятельно меняет маршруты, а на улицах остаются белые пятна, которые взрослые стараются обходить стороной. Человечество приспособилось жить с этим явлением, как приспосабливается ко всему остальному: к вездесущей рекламе, надзору машин и необходимости платить за собственную безопасность.Для пятнадцатилетнего Лекса, однако, существуют проблемы куда более насущные. Его экзоскелет слишком быстро разряжается, сестра постоянно опекает его, а право пользоваться искусственными ногами приходится ежегодно подтверждать на медкомиссии.В очередное солнечное утро они отправляются в город. Лексу хочется поскорее разобраться с формальностями и вернуться домой, к своим играм. Но у предстоящей поездки оказывается куда больше общего с его детскими кошмарами, чем ему хотелось бы.

© Койнов Е. А., 2026
© Автор, 2026

Евгений Койнов
Дождь

Чувство страха медленно и с болью выветривалось из головы. Это напоминало об отходняках от наркоза. Меня еще потряхивало, в груди затихали барабаны, в ушах стоял звон, как от пролетевшего мимо самолета. «Обошлось в этот раз, — подумал я, проверяя белье на ощупь. — А мокрый я от пота… всего-то». Ничего необычного, просто кошмар. Мне уже пятнадцать, и никакая из этих воняющих, злых и голодных собак не сожрет меня.

Сколько их там было? Пять?

Когда я приоткрыл глаза, вместо нашей квартиры-студии был виден медленно тающий фантом заброшки. Словно то место не желало меня отпускать.

— Ты там встал ли? — внезапно окликнула сестра откуда-то издалека.

В детстве вместо уроков с искусственным болваном я часто гонялся за дронами по тем заброшкам. Никаких людей, только эти летающие стаями коробочки, напичканные ценными чипами памяти, за которые серые скупщики щедро платили.

Я протер колючие глаза и проморгался. Было раннее утро, теплый свет уже просачивался в мой уголок за шкафом. Со стороны кухни шкворчало, запах подгорающей глазуньи плавно влетел в ноздри и заставил меня выкинуть остатки кошмара из головы.

Саша всегда просыпалась рано и быстро завтракала. Надевала эти чертовы глассы, безвылазно сидела целый день в центре своей рабочей зоны, как слепая, водила руками в воздухе. Но в этот раз я почему-то не услышал ее характерной возни и бубнежа. Что это с ней? Заболела, что ли?

Каждое утро первым делом я пытался пошевелить хоть одним пальцем ноги. Мне всегда в этот момент вспоминалась сцена из «Убить Билла». По традиции ни один палец не двигался. Убедившись, что мягкие подкладки не пахнут кисло, я оборачивал ими бедра, колени и стопы для защиты от мозолей и пролежней, после чего погружал ноги в стальные объятия экзоскелета.

— Лекс! — позвала она снова с нетерпением в голосе, когда я уже ковылял из-за шкафа в сторону обеденной зоны.

Я подтянул трусы под поясом и мельком глянул на батареи. Слишком быстро стали садиться. Может, еще полежать часов десять, пока они на зарядке побудут?

Она уже сидела за столом, медленно пережевывала кусок сэндвича с местами почерневшим белком.

— Ты меня слышал?

— Что-то ты сегодня рано. — Я сел напротив и взял свою порцию. — Начала бы спокойно без меня, я бы еще поспал.

Тёплый сэндвич оказался невероятно вкусным: идеально хрустящий, как я люблю, немного соли и специй пощипывало язык, а этот вытекающий желток — я закатил глаза. Вот бы каждый день она такие штуки готовила.

Но взгляд, будто невидимый комар, мешал получать удовольствие. Она так смотрела, если я опять накосячил или не выполнил обещанное.

— Ты ничего не забыл? — Сестра прищурилась и отложила недоеденный кусок.

Я пожал плечами. Надо ей было с самого утра мою память тыкать.

— Руки не помыл? — спросил я с набитым ртом и облизал пальцы.

Она встала из-за стола, пошла к своей рабочей зоне. Не успел я придумать ответ на ее очередную упрямую глупость, как она протянула мне свои персональные глассы.

Немного опешив, я поднял было руку, чтобы взять их, но помедлил. Вряд ли сегодня у нее выходной. А если так? Тогда пройду тот данж в «The Dead from Portals». Но Саша отвела

мою руку в сторону и просто нацепила эти легкие пластиковые очки мне на голову, больно прижав их к переносице.

Включился интерфейс. Мне сразу бросилась в глаза та самая иконка игры. Сестра будто знала, куда я полезу, пнула меня по корпусу экзо, что отдалось в пояснице, велела открыть ее личную почту и пролистать переписку на неделю назад. Среди черновиков-портфолио и переписок с Деном я увидел письмо из правительства — надо было пройти медкомиссию, иначе лишат экзо и пособий по инвалидности.

Я прочитал дважды, затем еще раз. Буквы понятные, слова тоже, но смысл долго доползал до меня. А когда я окончательно все разобрал, то по затылку поползли мурашки, в животе все сжалось, а щеки будто огнем ошпарило.

— Я же просила, Леш! — раздраженно сказала сестра, сев за стол. — Твои же ноги, в конце концов!

Я кое-как проглотил недожеванный кусок сэндвича.

— Значит, сейчас и запишусь тогда, — проговорил я тихо, а сам ничего не делал, только пялился на это дурацкое уведомление.

— Я нас на два часа записала, — произнесла она своим строгим голосом. — Завтра уже выходной. Надо за сегодня все успеть.

Я отложил сэндвич, не видя, куда. Липкий желток уже остыл и местами затвердел.

Хуже всех неприятностей — эти ежегодные обследования, когда живодеры в белых халатах тискают тебя, осматривают, как безделушку, задают тупые вопросы. Этот запах талька, скрип жестких пальцев в перчатках, хруст накрахмаленных халатов с рекламой платных услуг.

Пока я воображал, как прихожу в эту медкомиссию и на всех ору, сестра уже доела свой завтрак. Встала, ничего не говоря, сняла с меня очки (могла бы и поаккуратнее, а то чуть в глаз дужкой не попала) и пошла переодеваться. Я знал, что для города она выберет особую футболку — белую. Еще не элитная серая, но тоже редкая. На ткань без рисунка таргет-системы не реагируют.

Когда она застегивала на шее цепочку со своим причудливым кулоном в виде розового черепа — подарком от матери, — я буркнул:

— Могла бы чего попроще надеть.

Она села за стол, не обратив внимания на мой выпад, начала краситься. Я угрюмо следил за ней, допивая водянистый чай без сахара. Сэндвич как будто потерял насыщенность и не выглядел аппетитно.

Мне вспомнилась больница, где порой меня вовсе кормить забывали. Без вопросов диагностировали перелом позвоночника, а потом оставили лежать, гнить, старые фильмы смотреть. Но когда выдали инвалидность — тут же все поменялось. Зажглись софиты, заиграла музыка, и взрослые в халатах запели и заплясали вокруг меня. И теперь каждый год я вынужден ходить на этот тупой спектакль.

— А сам что, в одних трусах пойдешь? — спросила сестра.

— И зачем меня трогать все время, если и так все понятно?!

— Никто тебя… — Она повысила голос, зыркнув из-под щёточки для туши, а после короткой паузы сказала: — Не ной! Нечего было шляться по заброшкам.

— Нечего было меня спасать, — пробубнил я, поднимаясь и вздыхая.

Медкомиссии плевать, во что я одет. Но пришлось взять эластичные брюки с металлическим отливом, потому что другие уже разодраны об углы экзо. Зато их легко будет снять — а их придется снимать. Этим извращенцам только бы детишек раздевать и трогать. Рубашку решил надеть с выдохшейся рекламой. Когда-то за нее платили немного на карманные расходы, но мешали эти джинглы — они пищали всегда неожиданно, когда таргет-система определяла своего клиента. Теперь это просто потертая серо-голубая ткань с тонкой оранжевой полоской.

Когда я кое-как собрался, недовольно морщась оттого, что экзо сильно растягивает штанины, Саша сунула мне в руку зонт. Глядя на яркий розово-зеленый окрас по всей поверхности, включая рукоять-крюк, я поморщился. Это была самая кричащая реклама свечек от геморроя!

— Интересно, если в зад его вставить, он…

— Не выпендривайся, нам идти под открытым небом!

— Ну, мам!

Она стукнула мне в плечо и быстро пошла к выходу.

— Эй! — крикнул ей вдогонку, массируя место удара. — Не я эту рекламу придумал! Дерется, такая.

Я вышел вслед за ней и сосредоточился на ходьбе. Это нелегкая задача для паралитика. Нужно было заставлять себя падать, чтобы система экзоскелета считывала направление и переставляла ноги. Я кряхтел, как старый дед, то и дело спотыкаясь. До остановки — два километра по разбитому тротуару. «Украсил бы кто эти ямы и трещины цветными стрелочками, — мысленно ворчал я, припоминая детскую поговорку. — Направо пойдешь — в секту придешь. Налево пойдешь — под дождем умрешь!»

Сестра шла впереди, напряженная. Она то в страхе дергалась мне навстречу, то смотрела с прищуром — будто я мог вернуться домой. А все! Раньше надо было спать ложиться. Она в любом случае так скажет, если я хоть на секунду остановлюсь.

Пот довольно быстро начал скапливаться в верхней части бедер. Свои ноги я ощущал, будто их загипсовали и укутали в сорок одеял, попутно выдернув все нервы, поэтому не смог бы сказать, когда пора их вытащить проветрить. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы утро превратилось в жаровню. А на небе ни единого облачка. В каком-то смысле это хорошо.

Саша моментально среагировала, подставив плечо, когда моя стопа зацепилась за торчащий корень. Зонт вылетел из разжатых пальцев и покатился по тротуару — прямо к белому пятну, оставшемуся после дождя. Сестра помогла мне восстановить равновесие, затем, как загипнотизированная, принялась аккуратно обходить пятно. Причем так старательно, будто боялась, что оттуда вылезет рука мертвеца и утащит ее в ад. Осторожно подняла зонт — тот даже не испачкался — и заставила меня последовать ее примеру. Неужели мертвым есть до этого дело? Но под ее строгим взором я медленно зашагал, давя железными подошвами живую и сочную траву. Трава же не мертвяк — ее можно!

Пятно едва напоминало силуэт человека. И меня это никак не волновало — детьми мы играли с такими пятнами, насыпали на них сахар и слизывали на спор. Все мы знали, откуда они берутся. В школе нам об этом столько нотаций прочитали: мол, не ходите, идиоты, под дождем гулять — убьет. Естественно, убьет! Это же дождь! Каждый сопляк знает, что дождь убивает! Правда, он только людей убивает, но кому есть до этого дело? А вот как именно — почти никто не видел. И если видел, описывал так, будто человек взрывался белым дымком, а дождь вбивал эту взвесь каплями в асфальт, как татуировщик. А когда все заканчивалось, врубалась городская система камер, и по новостям показывали, как мир превратился в огромное место преступления.

Сестра отдала зонт, когда я завершил вынужденный обходной маневр. При этом взгляд ее не отрывался от белого пятна, а лицо, казалось, вот-вот сравняется с ним по цвету. А еще она сжимала свой черепок на цепочке, будто сорвать хотела.

— Так далеко от укрытия, — проговорила она упавшим голосом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.